

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 298–304

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 298–304

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-298-304>

Научная статья

УДК 1(470+571)|18|+929Гаспринский

«Восточное соглашение» Исмаила Гаспринского: становление раннеевразийского концепта (1880–1890-е годы)

С. В. Селиверстов

Академия государственного управления, Казахстан, Z00P4G2, г. Нур-Султан, пр. Абая, д. 33

Селиверстов Сергей Васильевич, кандидат исторических наук, приглашенный доцент, Академия государственного управления, Казахстан, г. Нур-Султан, seliverst.v@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3558-6238>

Аннотация. Статья посвящена становлению евразийской интеллектуальной тенденции в России. Реконструируются взгляды тюрко-мусульманского деятеля Исмаила Гаспринского. Анализируются его представления о сближении России и Турции, о потенциальном «восточном соглашении» с участием России, Турции, Персии и балканских государств. Формулируется вывод, согласно которому идея «восточного соглашения» является по содержанию и смыслу ранним евразийским (проевразийским) концептом.

Ключевые слова: интеллектуальная история, евразийская тенденция, общественная мысль, Россия, Турция, русско-мусульманский мир, Европа, Восток

Для цитирования: Селиверстов С. В. «Восточное соглашение» Исмаила Гаспринского: становление раннеевразийского концепта (1880–1890-е годы) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 298–304. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-298-304>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

«Eastern agreement» of Ismail Gasprinsky: The formation of an early Eurasian concept (1880–1890s)

S. V. Seliverstov

Academy of Public Administration, 33 Abaja Avenue, Nur-Sultan Z00P4G2, Kazakhstan

Sergey V. Seliverstov, seliverst.v@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3558-6238>

Abstract. The article is devoted to the formation of the Eurasian intellectual tendency in Russia – based on the material of the Turkic social thought. The views of the Turkic-Muslim leader Ismail Gasprinsky are reconstructed. His ideas about the rapprochement between Russia and Turkey, about a potential «Eastern agreement» with the participation of Russia, Turkey, Persia and the Balkan states are shown. It is concluded that the idea of an «Eastern agreement» is (in terms of content and meaning) an early Eurasian/pro-Eurasian concept.

Keywords: intellectual history, Eurasian tendency, social thought, Russia, Turkey, Russian-Muslim world, Europe, East

For citation: Seliverstov S. V. «Eastern agreement» of Ismail Gasprinsky: The formation of an early Eurasian concept (1880–1890s). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 298–304 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-298-304>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Интеллектуальная история России XIX–XX вв. весьма многообразна. Трактует ее в качестве мульти(не)линейного процесса накопления и обогащения отечественной общественной мысли, полагаем, что особого внимания заслуживает становление на российской почве значимых интеллектуальных, историко-культурных явлений (славянофильство, западничество, народничество, областничество), содержащих как классические образцы, так и, с одной стороны, ранние, а с другой – поздние. В данном историко-культурном ряду находится и такое многозначное

явление как евразийство (евразийская интеллектуальная тенденция).

Ранние этапы евразийской тенденции в России, т. е. этапы генезиса, рассматриваются в диссертациях, как правило, ретроспективно – в виде вводных сюжетов, посвященных истокам классического евразийства 1920–1930-х гг. Это касается, например, диссертаций социально-философского¹ и философско-культурного² профилей, по историческим³ и политическим⁴ наукам. Однако в методологическом плане такого прикладного ретроспективного подхода, на наш взгляд, недоста-

точно. Чтобы полноценно раскрыть проблематику становления евразийской тенденции на раннем этапе (в контексте эпохи), необходимо раннеевразийские явления рассматривать как основной предмет исследования. Возможности для этого открывает изучение интеллектуальной истории России – существенного компонента отечественной истории. Персональные вариации круга лиц, относимых к аспекту «истоков» («предшественников») евразийской тенденции, включают, как правило, в нетождественных сочетаниях представителей русско-славянской общественной мысли (Н. М. Карамзин, Ф. И. Тютчев, Н. Я. Данилевский, А. И. Герцен, Ф. М. Достоевский, К. Н. Леонтьев, В. И. Ламанский, Д. И. Менделеев, В. С. Соловьев, В. В. Бартольд, Э. Э. Ухтомский и др.). Однако феномен общественной мысли России содержит в своем поле интеллектуалов различного национально-культурного происхождения – не в последнюю очередь – тюркского. Поэтому для полноценного осмысления раннеевразийских идей необходим анализ и тюркской общественной мысли (в контексте общей интеллектуальной истории России). И это логично, так как историческое содержание евразийских идей неразрывно связано с масштабной славяно-тюркской проблематикой.

Целью статьи являются реконструкция и интерпретация раннеевразийского концепта восточного (русско-восточного) соглашения в публицистическом творчестве Исмаила Гаспринского (1851–1914) – известного российского тюрко-мусульманского деятеля последней трети XIX – начала XX в. Данный сюжет недостаточно изучен, так как в диссертационных работах по классическому евразийству близость его взглядов к евразийскому дискурсу не исследуется. Кроме того, примечательно, что в персоналистской историографии, посвященной собственно И. Гаспринскому, он рассматривается преимущественно как национальный тюркский, крымский, татарский мыслитель⁵ и общественный деятель⁶, а не в контексте более широкой историко-культурной проблематики раннеевразийских идей. Аналогичный подход присутствует и во вступительных статьях к издающемуся «Полному собранию сочинений» Гаспринского⁷. Из немногочисленных работ, где его взгляды рассматриваются в евразийском ракурсе, следует выделить статью Ю. Б. Османова о взаимоотношениях России и Турции, опубликованную посмертно и, таким образом, не получившую авторского продолжения⁸, и современные диссертационные исследования Н. Е. Тихоновой – магистерское⁹ и кандидатское¹⁰. Мы разделяем ее точку зрения о близости определенных воззрений Гаспринского к концепции евразийства, однако проблематика «восточного соглашения» в указанных работах специально не рассматривается.

Особенность Гаспринского как личности состоит в том, что, имея крымскотатарское происхождение, он, тем не менее, стал мыслителем

общероссийского и международного уровня. Гаспринский внимательно наблюдал и смело анализировал исторические процессы не только в локальном, но и в глобальном масштабе. Центральное место среди его работ 1880–1890-х гг., касающихся взаимоотношений России и Востока, занимает краткий, но содержательный трактат «Русско-восточное соглашение: мысли, заметки и пожелания», изданный в Бахчисарае в 1896 г.

Обратившись к рассмотрению внешней политики стран Европы, России и Турции, Гаспринский затронул область «сложных международных вопросов», которые, как правило, имеют место в столицах. Тем не менее мыслитель полагал, что его идеи заслуживают того, чтобы быть «обсужденными и взвешенными русским и восточным читателем»¹¹. Желая позитивного, конструктивного развития взаимоотношений в рамках большого русско-мусульманского мира, Гаспринский уже в 1883 г. в статье «Россия и Восток» (газета «Переводчик-Терджиман») раскрыл свое видение перспективных приоритетов: «Мы думаем, – подчеркнул он, – что было бы умно и полезно, забыв прошлое, искренне сблизиться туркам и русским. Этого не желает, может не допустить Европа, но тем более надо об этом постараться ради общей выгоды и пользы»¹². Данное предложение, обращенное по сути к Петербургу и Стамбулу, было весьма своевременным в первой половине 1880-х гг., когда оба государства выстраивали политику после Берлинского конгресса. Однако понимание «необходимости доброго соседства» достигалось непросто. Побывав в Стамбуле в том же 1883 г., Гаспринский увидел, что турки смотрят на международные дела и отношения с Россией через «навязанные им чужие очки» – франко-английские¹³. Через 2 года вновь посетив Стамбул, он смог констатировать, что, хотя значительная часть турок «еще принуждена носить очки» (на этот раз германские), они все же «начинают смотреть из-под очков или помимо них»¹⁴.

На фоне конфликта между Англией и Россией по поводу афганской границы, когда для Турции возник «жгучий и важный» вопрос – «стать за Россию или Англию», его интересовала не дипломатия, а «собственное мнение турок», выработавшееся «свободно под горьким руководством истории». Гаспринский пришел к выводу о том, что «турская масса» изверилась в пользу «исконных западных друзей» и, анализируя «грубо, но здраво пережитые события, пришла к практическому убеждению, что гораздо лучше и выгоднее жить в наилучших отношениях с ближайшим соседом и опаснейшим противником – Россией»¹⁵. Более того, от простых турок, далеких от «дипломатической кухни», он услышал в 1885 г. «простодушный» тезис: Европа «боится союза русских и турок и потому постоянно старается ссорить», но уже «при первом соглашении этих государств господство европейской “интриги” (фитне) па-

дет». Также он ссылается на позицию писателя Ахмеда Мидхата, редактора стамбульских газет «Терджиман-Хакикат» и «Османлы», который прежде был «ярким противником» России, а теперь проводит «идею полного сближения» и позитивно оценивает движение России в Азии¹⁶.

Как сторонник турецко-русского и вообще российско-восточного сближения, Гаспринский с одобрением и надеждой воспринимал любое проявление сближения стран. Однако международные реалии и восточные настроения были не столь обнадеживающими. Поэтому и в 1896 г. он был вынужден отметить: зарубежные мусульмане, как и прежде, надевая «очки» Запада, «имеют крайне смутное и неправильное представление о России», что препятствует выстраиванию отношений с «великой северной страной». Кроме того, и в самой России понимание Востока также «не достигло должного развития». Чтобы избавиться от таких «роковых недоразумений», – полагал Гаспринский, – русские и мусульмане должны изучать друг друга «без предвзятых или заказных убеждений»¹⁷. Так, он указал на востребованную в большом русско-мусульманском мире задачу – взаимное познание. Именно в этом направлении работала в 1880–1890-е и последующие годы бахчисарайская газета «Переводчик-Терджиман», проводя, невзирая на западную политику и прессу, идею о сближении России и Востока. Уже в 1886 г., ходатайствуя об открытии в газете новых рубрик «Обзор восточной печати» и «Обзор русской печати», Гаспринский отмечал, что «сопредельные с Россией мусульманские страны все сведения о России и русской жизни черпают исключительно из европейских источников, нередко враждебных нашему отечеству», т. е. «смотрят на вещи сквозь призму мнений и пожеланий западной печати». Редактор «Терджимана» не мог согласиться с такой ситуацией и, учитывая распространение газеты в мусульманских странах, посчитал своим долгом «по возможности служить» взаимному знакомству восточных и российских читателей «без посредства английских и немецких переводчиков»¹⁸. Добиваясь взаимопонимания, Гаспринский в 1890-е гг. достиг успеха среди российских и зарубежных мусульман, о каком прежде «не смел и думать»¹⁹.

Характерна интерпретация Гаспринским острых сторон российско-османских отношений, в частности, проблемы проливов. Он признает, что значение морей и выхода к океану для России «весьма понятно», так как обусловлено экономическими и политическими потребностями «обширнейшей континентальной страны», а потому данное стремление не следует рассматривать восточным народам как «жажду завоевания» или «вражду к исламу»²⁰. Какую же линию, по его представлению, должна занять в вопросе о режиме проливов Турция? Открыто высказанная позиция Гаспринского такова: османскому государству следует «сохранить» за собой проливы, но при

этом открыть путь «естественной потребности могущественного соседнего народа». По его убеждению, именно такая линия подтвердит «политическую мудрость» правителей Востока. Но очень важно и другое – самой России следует выстроить отношения с сопредельными восточными странами, чтобы «мирно и без жертв заручиться тем, что ей необходимо в интересах охраны южных границ и развития своей торговли»²¹.

Взаимоотношения России и Востока для Гаспринского не абстрактны – от них в значительной степени зависит реальная судьба тюрко-мусульманского мира. Поэтому он прямо, без всякой показной иносказательности вскрывает позицию европейских держав и формулирует запрос на альтернативу: «Западу выгодно, и он доволен, если в России и на Востоке находятся исторические, географические и теологические мотивы к взаимной вражде и недоверию. Но не будет ли лучше поискать в той же истории и географии мотивов к взаимности и согласию»? Для Гаспринского это не риторический вопрос, а такой, на который следует дать положительный ответ: «Я думаю, что это будет лучше, – подчеркивает он, – хотя Запад может очень и очень рассердиться за это и на русских, и на мусульман»²². Следовательно, по проблеме проливов, по его убеждению, контактировать необходимо напрямую России и Турции, так как адекватного восприятия со стороны Запада ожидать сложно. Исходя из исторического опыта, И. Гаспринский видел в России тип государства, способный проводить восточную политику «на справедливых условиях»²³. И с этим нельзя не согласиться. Что касается отношений с Европой, то Гаспринский отметил тенденцию второй половины 1880-х гг., когда Стамбул в вопросе о Восточной Румелии (во время болгарского кризиса 1885–1887 гг.) и обострившихся взаимоотношений европейских стран проявил последовательность, сумел отказаться от «чуждых ему интересов» и «предоставил расхлебывать кашу тем, которые ее заварили»²⁴. Когда же болгарский кризис пошел на спад, Турция старалась поддерживать «наилучшие отношения со всеми державами», не входя с ними «ни в какие союзы», чтобы не быть ограниченной, зависимой от Европы²⁵. Данная ситуация, сочувственно изложенная Гаспринским в газете «Переводчик-Терджиман», иллюстрирует его понимание оптимальных отношений с Европой. На потенциальные взаимосвязи России и Турции он смотрел иначе.

Примечательно, что конструктивные идеи, относящиеся к российско-турецкой сфере, были изложены им в 1896 г., когда Европой овладело, как замечает Гаспринский, волнение «по случаю слухов о заключении русско-турецкого союза». Однако Запад встревожился, не без иронии замечает он, «не в чаянии русско-турецкого нашествия». Причина возбуждения была прозаична – возможный альянс между Россией и Турцией (или,

как замечает Гаспринский, – союз Белого Царя и Халифа мусульман) кардинально «перепутает карты» Восточного вопроса, «коиими привыкли играть в Европе»²⁶.

В середине 1890-х гг. Восточный вопрос вновь обострился. Британия, исходя из своих стратегических выгод и желая полностью аннексировать Египет, стремилась подвинуть Россию к участию в разделе османских территорий. В частности, премьер-министр Р. Солсбери пытался убедить Николая II «не бояться исчезновения Османской империи, раздел которой позволил бы удовлетворить все державы». Однако Петербург выступил за сохранение существующего положения. Данная позиция отстаивалась министром иностранных дел А. Б. Лобановым-Ростовским в 1895–1896 гг.²⁷ В публичной сфере декларации Британии на Востоке были иными: Лондон представлял Россию врагом, а себя – другом мусульман. Гаспринскому, следившему за зарубежной мусульманской прессой, это было известно. Но в середине 1890-х гг., как он отмечает, «завеса с английской игры» поднялась, и Восток «начал относиться критически ко всей истории с английской дружбой»²⁸.

В данной международной ситуации в начале 1896 г. (после ее обострения в конце 1895 г. и последовавшего обращения императора Николая II к султану Абдулхамиду II), когда ситуация вокруг Турции на время стабилизировалась, в европейской прессе высказывались мнения о потенциальном российско-османском союзе. Таковой не состоялся – Россия осталась в рамках коалиционной европейской политики, однако в любом случае в конце XIX в., как отмечается в литературе, Петербург выступал за самостоятельную и целостную Турцию, которая находилась бы в хороших отношениях с Россией²⁹. Конечно, это был далеко не максимум позитивных российско-османских взаимоотношений. Гаспринский желал большего. Однако прозойти это могло лишь тогда, когда Россия как европейско-азиатская страна более четко и недвусмысленно конкретизировала бы свою суверенную историко-культурную и политическую позицию по отношению к собственно Европе. Сам же Гаспринский в 1890-е гг. мыслил не только здраво, но и по-настоящему дальновидно. Не случайно он указывает: «Уже одна тревога Европы каждый раз, когда возникает слух о русско-турецком сближении или союзе, показывает, какое важное значение он мог бы иметь»³⁰. Даже спустя годы (в 1908 г.) Гаспринский помнил международную ситуацию 1896 г. и охватившее Запад возбуждение. И он спрашивает: отчего этот слух в такой степени тогда «взбудоражил европейскую прессу» и принудил дипломатов держав «наострить уши» (вплоть до того, что обеим подозреваемым столицам пришлось выступать с опровержением)? Убедительный ответ, оставшийся для него неизменным и в начале XX в., заключается в том, что

такой альянс существенно перепутал бы европейские политические карты³¹ и тем самым, добавим, мог привести к неожиданному для западных держав проигрышу.

Потенциальная роль российско-османского соглашения не ограничивалась двусторонними отношениями. Значение и возможности такого союза еще больше возрастут, – подчеркивал Гаспринский, – «если поставить вопрос шире и, не ограничиваясь Турцией, подумать о сближении и солидарности всего Востока с Россией». Он предполагал, что «искренние, дружественные отношения» с османским и персидским государствами незамедлительно и положительно откликнутся на связях России как с Египтом и арабским миром, так с Афганистаном и мусульманами Индии³². Важно и то, что Гаспринский не ограничивает проект восточного соглашения только мусульманскими народами. Учитывая «обоюдные выгоды», в таком общевосточном соглашении, замечает он, было бы место и «княжествам Балканского полуострова»³³, т. е. славянским, христианским народам. Данный объемный восточный взгляд напоминает о концептуальной идее Восточного союза К. Н. Леонтьева³⁴, вынашиваемой им вплоть до смерти (1891 г.), в основе которой русский мыслитель видел как православные, так и мусульманские элементы. Содержательная и временная соотносимость обоих восточных макрорегиональных проектов подтверждает, что они основывались не на локальных славянских или тюркских тенденциях, а на действительных, реальных нуждах российско-мусульманского, по сути евразийского мира.

Как реалист Гаспринский видел, что соглашение подобного формата предполагает «известные обязанности» и в итоге «связывает договаривающегося». В чем, на его взгляд, в таком случае должны быть уверены стороны восточного соглашения? Россия, полагал он, – в том, что в мусульманских народах она обретает «верных и надежных союзников». Мусульмане, со своей стороны, – в том, что Россия не имеет устремлений «посягнуть на их троны и верования»³⁵. Не менее важно и то, что соглашение подобного рода должно базироваться «на ясных и точных условиях». Поэтому, вступая на путь, ведущий к договору, «не должно иметь в виду провести друг друга, но должно найти прочную базу для честного соглашения и обеспечения общего интереса и мирного развития народов»³⁶. Очерченный Гаспринским подход к макрорегиональным взаимоотношениям как к равноправным, транспарентным, без двойных стандартов и желания одностороннего выигрыша принципиально отличается от восточной политики европейских держав XIX в. и с полным основанием может быть концептуально идентифицирован как евразийский подход в международной сфере.

Прагматизм Гаспринского проявился в констатации возможных возражений против рос-

сийско-восточного союза. Например, что данным договором Петербург будто бы «свяжет себе руки». Но, замечает автор, если Россия «гарантирует» целостность мусульманских государств, то, бесспорно, «обеспечит себя соответствующими выгодами»³⁷. Также признает Гаспринский и иное возможное препятствие: недоброжелатели в Стамбуле и Тегеране могут утверждать, что соглашение «лишает» правителей восточных стран суверенности. На это он отвечает: «Напротив, соглашение упрочивает положение этих государств и стран, избавив их от подчас невыносимых влияний то одной, то другой державы»³⁸.

Не мог Гаспринский обойти и мнений об «исторической миссии» России на Востоке. Имея в виду общекультурную, прагматичную задачу, вытекающую из распространения европейского образования, науки, медицины и т. д., возможности России, полагал он, в результате достижения восточного соглашения не сократятся, а возрастут. Что касается собственно религиозной стороны, то он не видит предпосылок к тому, чтобы русский народ (по отношению к мусульманам) стал разыгрывать «роль крестоносцев двадцатого века»³⁹. Публикуя свою работу в 1890-е гг., Гаспринский смотрел вперед – в наступающий XX в. Примечательно, что и позже, в 1908 г., он отмечал: если в обострившемся балканском вопросе «англичанам угодно сыграть роль крестоносцев», то России следовать аналогичной политике нет необходимости⁴⁰.

В понимании Гаспринского русско-турецкое и шире – российско-восточное соглашение, с одной стороны, существенно расширит возможности России, с другой – придаст мусульманским государствам стабильность, устойчивость и силу. Именно поэтому, как он пишет, Европа будет бороться против данного соглашения «всеми правдами и неправдами». Запад ни перед чем не остановится: «пустит в ход все пружины» (от Петербурга и Стамбула до Тегерана и Каира), начнет «угрожать войной»⁴¹. В частности, как на пример антироссийской западной пропаганды Гаспринский ссылается на Лондон, который распространял на Востоке «басню» о намерениях русского «казака» погубить мусульманство, которое якобы Британия защищает. Он писал, что англичане, подтасовывая и толкуя факты соответствующим образом, пытаются убедить мусульманские народы в «неисправимой вражде русских к мусульманам». Более того, Британия финансирует часть индийской и арабской печати, внедряя в исламский социум тезисы о солидарности британско-мусульманских интересов и одновременно – о российской угрозе мусульманству. На этом фоне, считает Гаспринский, «добрые отношения» российского царя к халифу могли бы скорректировать симпатии индийского мусульманства и подчеркивает значимость встречной комплиментарности: «От доброго мнения мусульман Россия никогда не проиграет, но извлечь пользу может»⁴².

Русско-мусульманский мыслитель убежден, что, несмотря на противодействие Запада, восточное соглашение имеет шансы быть реализованным при наличии желания и воли «руководящих людей России и Востока». Если же исторический акт осуществится, то тогда, имея «за себя и за собой» Турцию и Иран, Россия в реальности сможет стать близкой, «родной» для мусульманского мира, пойти во главе его⁴³. Будучи хорошо осведомленным о процессах в мировом мусульманстве, он цитирует парижскую газету младотурецких кругов «Мешверет»: «Мы не чувствуем никакой вражды к России. Она имеет свою историческую миссию, а мы со своей стороны озабочены охраной нашей независимости и достоинства. Не возможно ли согласовать эти по-видимому противоположные точки зрения? Мы думаем, что возможно»⁴⁴. По существу данное рассуждение оппозиционной газеты свидетельствует о прагматичном характере турецко-русских, тюрко-славянских отношений. Да, позиции османского и российского государств нередко противоположны. Но это не повод для пессимизма. Следует прилагать взаимные усилия, чтобы согласовывать, сближать расходящиеся позиции. Аналогичным образом осуществлялась общественная деятельность Гаспринского.

Следует заметить, что некоторые шаги к российско-восточному сближению время от времени предпринимались. Так, в мирной обстановке начала 1870-х гг. (до Восточного кризиса) великий везир М. Недим-паша прежнему влиянию Европы предпочел курс на сближение с Россией. Поэтому логично, что российский посол Н. П. Игнатьев констатировал в первой половине 1870-х гг., что отношения России и Турции «не заставляли желать ничего лучшего»⁴⁵. С другой стороны, шейх и мыслитель Д. Афгани, разочаровавшись в английской поддержке⁴⁶, отправился в 1887–1889 гг. в Москву и Петербург. По сведениям востоковеда С. И. Уманца, он вел переговоры сначала с М. Н. Катковым (который стремился к корректровке российского внешнеполитического курса), а после его кончины в июле 1887 г. пытался непосредственно повлиять на Министерство иностранных дел в плане создания общего союза России и Персии для «освобождения Востока от англичан»⁴⁷. Зная об этих тенденциях, Гаспринский предполагал, что вместо ситуативных и фрагментарных восточных сближений сможет выработаться устойчивая союзническая практика, так как для России – страны, близкой к мусульманским народам – «доверие и симпатии, враждебность и недоверие этого особого много-миллионного мира» не могут быть безразличны⁴⁸. При том он четко осознает: международные реалии на рубеже XIX–XX вв. таковы, что отношение к восточным народам может определяться как в виде «соседства, союза с ними», так и в виде доминирования. В частности, наблюдая позицию Турции в связи с попытками Германии «связать» ее тройственным союзом, Гаспринский сделал

вывод, согласно которому «султан ищет большего, чем могут дать ему западные комбинации»⁴⁹.

Личная позиция Гаспринского оформилась в 1870–1880-е гг. и укрепилась в 1890-е: он однозначно был приверженцем партнерских, дружеских отношений и не желал столкновений внутри большого русско-мусульманского мира, конфликтов между мусульманской и христианской цивилизациями. Гаспринский надеялся, что Россия проявит волю и сможет найти взаимоприемлемую форму честных, доброжелательных союзнических отношений с мусульманскими странами. Обращаясь к восточным читателям, он деликатно отмечает, что не собирается навязывать никому свои взгляды: «Пусть мусульманские государства живут и развиваются вне всяких соглашений». Но если они чувствуют необходимость комбинаций, то «мы советуем им помнить про могучую Россию», которая «может жить и развиваться сама по себе без всяких союзов и соглашений», однако «не в таком положении мусульманские государства»⁵⁰.

С тех пор как были высказаны эти проницательные мысли, прошло более 100 лет. Многое в мире изменилось. Отсюда вопрос: как выглядит международно-политическая концепция Гаспринского через призму проблем новейшей эпохи? Каждый исследователь видит по-своему его наследие, но объективно рассматривая потенциал и востребованность концепта российско-восточного соглашения, следует признать ошибочной категоричную точку зрения, согласно которой «максима» внешнеполитических, международных прогнозов Гаспринского является «невозвратно устаревшей»⁵¹. Полагаем, что идея российско-восточного, евразийского сотрудничества в новых макрорегиональных условиях XXI в. востребована не в меньшей степени, чем столетие назад.

В целом, как показала реконструкция, концепт большого восточного соглашения базируется на историческом опыте славяно-тюркского сосуществования и взаимодействия, накопленного в России, и включает в себя, с точки зрения Гаспринского, ряд аспектов:

самостоятельное («не через чужие очки») взаимное познание русского и турецкого народов, славян и тюрков;

поиск «взаимности и согласия» по сложным российско-османским вопросам (например, о черноморских проливах);

сближение России и Турции, критический пересмотр европейской восточной политики (в том числе понимание причин «тревоги» Европы перед русско-тюркским сближением);

переход от российско-османского сближения к большому восточному соглашению, включающему ряд славянских и мусульманских государств;

понимание обязанностей, возможностей и преимуществ равноправного международного соглашения («не должно иметь в виду провести друг друга»);

взвешенный анализ аргументов «за» и «против» восточного соглашения.

Таким образом, в Российской и Османской империях, в славянских и тюркских народах России и Турции Гаспринский видел не непримиримых историко-культурных, цивилизационных антагонистов, находящихся в зависимости от европейских «коалиций», а потенциально суверенных исторических партнеров, позитивные взаимоотношения которых соответствовали долгосрочным интересам обеих стран и народов.

Ключевая идея о необходимости прагматичного сближения русских и тюрков получила у Гаспринского внешнее продолжение, распространилась на международные отношения, в частности, на взаимоотношения России и Турции. При этом концепт восточного соглашения, инициированный и обоснованный на протяжении 1880–1890-х гг., содержал не только текущее, ситуативное русско-турецкое наполнение, а более широкий и долгосрочный проевразийский смысл.

С точки зрения объективного познания, необходима не локализация интеллектуального наследия Гаспринского в национально-конфессиональных рамках, а рассмотрение в контексте тенденций российской общественной мысли. Взгляды Гаспринского занимают в интеллектуальной истории России важное место, с полным основанием их следует рассматривать как тюркский компонент процесса становления евразийской тенденции. Реконструкция его воззрений подтверждает и более общий тезис (который может быть отнесен не только к Гаспринскому): адекватное восприятие предшественников классического евразийства – в плане раннеевразийских идей – возможно при расширении горизонта интерпретации и рассмотрении их (предшественников) миропонимания в широком, развивающемся интеллектуальном контексте второй половины XIX в.

Примечания

- 1 См.: Горяев А. Т. Евразийская идея и проблема самоидентификации России : дис. ... д-ра филос. наук. Волгоград, 2003. 284 с.
- 2 См.: Романова Е. А. Этнокультурная концепция основоположников евразийства : дис. ... канд. филос. наук. Барнаул, 2007. 175 с.
- 3 См.: Никитенко Е. В. Евразийство 1920-х гг. : история противостояния и сравнительный анализ идеологии и деятельности Пражского и Парижского (Кламарского) центров движения : дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2011. 217 с.
- 4 См.: Ибраев М. У. Государственность в политическом учении евразийства (классическая традиция) : дис. ... канд. полит. наук. М., 2016. 147 с.
- 5 См.: Ганкевич В. Ю. На службе правде и просвещению : Краткий биографический очерк Исмаила Гаспринского (1851–1914). Симферополь : Доля, 2000. 328 с.
- 6 См.: Гаспринский Исмагиль : тарихи-документаль жьыентык / сост. С. Рахимов. Казань : Жьен, 2006. 544 с.

- ⁷ См.: *Гаспринский И.* Полн. собр. соч. : в 3 т. Казань ; Симферополь : Институт истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан, 2016–2019. Т. 1–3.
- ⁸ *Османов Ю. Б.* Исмаил Гаспринский о русско-турецких отношениях и проблеме евразийства // *Османская империя : проблемы внешней политики и отношений с Россией* / отв. ред. С. Ф. Орешкова. М. : Институт востоковедения РАН, 1996. С. 237–244.
- ⁹ *Тихонова Н. Е.* Исмаил Гаспринский и его протоевразийские идеи : магистер. дис. СПб., 2016. 111 с.
- ¹⁰ *Тихонова Н. Е.* Роль крымскотатарской газеты «переводчик-Терджиман» в этнокультурном и политическом дискурсе в России в 1880–1910-е гг. : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2019. 203 с.
- ¹¹ *Гаспринский И.* Русско-восточное соглашение. Мысли, заметки и пожелания // *Гаспринский Исмаил бей. Из наследия* / сост. Ю. Кандымов и др. Симферополь : Таврия, 1991. С. 52.
- ¹² *Гаспринский И.* Россия и Восток (Исторический очерк) // Полн. собр. соч. Т. 2. С. 169.
- ¹³ *Гаспринский И.* Несколько дней в Стамбуле // Там же. С. 285.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. С. 285–287.
- ¹⁷ *Гаспринский И.* Русско-восточное соглашение... С. 54–55.
- ¹⁸ Прошение И. Гаспринского в Главное управление по делам печати об открытии новых рубрик в газете «Терджиман» // *Гаспринский Исмаил бей : тарихи-документаль жынтык* / сост. С. Рахимов. Казань : Жыен, 2006. С. 372–373.
- ¹⁹ *Гаспринский И.* Русско-восточное соглашение... С. 57.
- ²⁰ Там же. С. 59.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же. С. 57.
- ²³ *Ганкевич В. Ю.* На службе правде и просвещению... С. 57.
- ²⁴ *Гаспринский И.* Султан Абдуль-Гамид // Полн. собр. соч. Т. 3. С. 380–381.
- ²⁵ См.: *Гаспринский И.* Спокойствие всего мира находится в зависимости [...] // Там же. С. 302.
- ²⁶ *Гаспринский И.* Русско-восточное соглашение... С. 59–60.
- ²⁷ См.: *Игнатъев А. В.* Ближневосточный кризис и русско-австрийское соглашение // *История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века.* М. : Международные отношения, 1997. С. 101–106.
- ²⁸ *Гаспринский И.* Русско-восточное соглашение... С. 63.
- ²⁹ См.: *Игнатъев А. В.* Ближневосточный кризис и русско-австрийское соглашение... С. 102.
- ³⁰ *Гаспринский И.* Русско-восточное соглашение... С. 60.
- ³¹ См.: *Гаспринский И.* Велико-Восточный вопрос // *Терджиман.* 1908. 29 апр. № 32.
- ³² См.: *Гаспринский И.* Русско-восточное соглашение... С. 60.
- ³³ Там же. С. 61.
- ³⁴ Леонтьев К. Н. – Филиппову Т. И. 29 марта 1891 г. // *Пророки византизма : Переписка К. Н. Леонтьева и Т. И. Филиппова (1875–1891)* / сост. О. Л. Фетисенко. СПб. : Пушкинский Дом, 2012. С. 620–622.
- ³⁵ *Гаспринский И.* Русско-восточное соглашение... С. 61.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же. С. 61–62.
- ³⁸ Там же. С. 62.
- ³⁹ Там же. С. 59.
- ⁴⁰ См.: *Гаспринский И.* По поводу речи министра иностранных дел // *Терджиман.* 1908. 18 апреля. № 29.
- ⁴¹ *Гаспринский И.* Русско-восточное соглашение... С. 62.
- ⁴² Там же. С. 62–63, 65.
- ⁴³ Там же. С. 62.
- ⁴⁴ Там же. С. 64.
- ⁴⁵ *Фадеева И. Л.* Официальные доктрины в идеологии и политике Османской империи (османизм – панисламизм). XIX – начало XX в. М. : Наука, 1985. С. 97, 121.
- ⁴⁶ См.: *К вопросу о панисламизме* // *Мир ислама.* 1913. Т. 2, вып. 1. С. 3.
- ⁴⁷ *Уманец С. И.* Современный бабизм. Тифлис : Г. Мелик-Каракозов, 1904. С. 45.
- ⁴⁸ См.: *Гаспринский И.* Русско-восточное соглашение... С. 64–65.
- ⁴⁹ Там же. С. 65.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ *Червоная С. М.* Единство в языке, делах и вере : испытание временем // *Ас-Алан.* 2001. № 2 (5). С. 388.

Поступила в редакцию 30.01.2021, после рецензирования 20.02.2021, принята к публикации 12.04.2021
Received 30.01.2021, revised 20.02.2021, accepted 12.04.2021